

С. И. Дмитриева

О СПЕЦИФИКЕ КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ РУССКОГО СЕВЕРА

(БЫЛ ЛИ СЕВЕР ГЛУХОЙ ОКРАИНОЙ РОССИИ?)

Под русском Севером, или Поморьем, как именуют эту область документы XVII столетия, подразумевается территория к северу от водораздела Волги — Сухоны между районами расселения коми и карелов. Эта область широко известна как сокровищница древнерусской культуры. Благодаря сохранению архаических элементов в общественном быту и культуре Север привлекал к себе внимание ученых различных специальностей. Именно на Севере в 1860-х годах была обнаружена живая былинная традиция; записаны многочисленные сказки, восходящие к глубокой древности; выявлены замечательные произведения деревянной архитектуры, церковной и гражданской; зафиксирована своеобразная форма землевладения и архаическая форма семейной организации. Открытие В. А. Городцовым архаического пласта в севернорусской вышивке явилось важной вехой в изучении народного орнамента¹.

Стало своего рода традицией в науке объяснять сохранение древних элементов в материальной и духовной культуре медленным темпом социально-экономического развития и оторванностью Севера от других областей России. Так, в фольклористике утвердилось мнение одного из первооткрывателей былинного эпоса, А. Ф. Гильфердинга, писавшего о том, что причинами, обусловившими хорошую сохранность эпоса на Севере, являются «свобода и глушь». Под «свободой» исследователь понимал отсутствие крепостного права. «Глушь», по мнению ученого, охраняла Север от тех влияний, которые разлагали первобытную эпическую поэзию: «к нему не проникал ни солдатский постой, ни фабричная промышленность, ни новая мода»². В слабой степени, по мнению Гильфердинга, коснулась северного крестьянина грамотность, что в свою очередь способствовало верности старине и вере в чудесное.

Отдельные положения Гильфердинга оспаривались последующими исследователями. Например, А. М. Лобода считал, что нельзя придавать особого значения отсутствию крепостного права, отмечая, что на Дону была еще большая свобода, чем на Севере, однако эпос в такой степени там не сохранился³. А. М. Астахова указывала, что среди лучших сказителей процент грамотных был достаточно высоким⁴. В целом же мнение о Севере как о далекой окраине, мало подвергавшейся влиянию просвещения и культуры, до сих пор держится среди некоторых исследователей.

Однако накопленный за последние десятилетия материал по фольклору, народному искусству и материальной культуре, показывает, что это мнение нуждается в пересмотре.

¹ В. А. Городцов, Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве, «Тр. Гос. историч. музея», вып. 1, М., 1956.

² «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.», т. I, М.—Л., 1943, стр. 34—35.

³ А. М. Лобода, Русский богатырский эпос, Киев, 1896, стр. 102.

⁴ А. М. Астахова, Русский былинный эпос на Севере, Петрозаводск, 1948, стр. 31.

Прежде всего, следует иметь в виду, что одними только «глушью» и «отсталостью» далеко не всегда можно объяснить сохранение определенных этнографических особенностей в тех или иных районах. Причины, как правило, более глубоки и требуют специального изучения. Например, рассмотрение географии русского эпоса убеждает, что сосредоточение былинных очагов в определенных районах Севера, объясняется, в первую очередь, историей заселения этого края: былины были обнаружены только в областях, колонизованных из древнего Новгорода. В землях, подвергавшихся низовской или московской колонизации, очаги былинной традиции не зафиксированы⁵. Это явление находит аналогии в других этнографических особенностях Севера. Этнографические и антропологические исследования М. В. Витова, проведенные на огромном материале, показали существование на Севере двух культурных зон: западной (Заонежье и Поморье) и восточной (бассейн верхней Двины с притоками), связанных с различными потоками русской колонизации XII—XVII вв. — новгородской и ростовской⁶. Все остальные причины — «свобода» и «глушь», роль транзитной дороги на Архангельск, по которой в допетровское время велась торговля с иностранцами, роль промыслового хозяйства, для которого характерны периоды вынужденного бездействия и т. п., которыми обычно объясняли сохранение былин на Севере, являются сравнительно второстепенными.

С другой стороны, анализ специфики культурного развития позволяет лучше понять место, которое занимали северные области в истории России.

Начнем с вопроса о грамотности. Целый ряд источников указывает на достаточно высокий уровень грамотности населения Древней Руси в XIV—XV вв. А. И. Соболевский, ссылаясь на огромное количество всякого рода книг и документов XV—XVII вв., позволяющих судить о числе грамотных среди разных слоев русского общества, показал, что вопреки общераспространенному мнению грамотность на Руси в это время была достаточно высокой⁷.

На основании эпиграфического материала, древней рукописной литературы, указаний разного рода письменных источников исследователи не раз говорили о высокой грамотности в Новгородской земле⁸.

О грамотности русского населения Севера в районах политического и культурного влияния Новгорода свидетельствуют двинские грамоты XIV—XV вв. При этом, что особенно важно, документы говорят о распространении грамотности среди крестьян⁹. Об этом же свидетельствуют жития святых XV в.: Антоний Сийский из села близ Белого моря, Александр Свирский из Обонежья, Александр Ошевенский обучались грамоте в детстве в сельских школах¹⁰.

По наблюдению А. И. Соболевского, сокращение народных училищ заметно в XVIII в., что связано, по его мнению, с усилением крепостного права¹¹. И следовательно, уменьшение числа грамотных должно было в меньшей степени коснуться северных областей, где крепостное право отсутствовало. В свете этого становится понятным отмеченный в 20-х годах нашего столетия В. В. Никольским высокий процент грамотности среди

⁵ С. И. Дмитриева, Географическое распространение былин, «Сов. этнография», 1969, № 4.

⁶ М. В. Витов, Антропологические данные как источник по истории колонизации русского Севера, «История СССР», 1964, № 6.

⁷ А. И. Соболевский, Образованность Московской Руси XV—XVII веков, СПб., 1894.

⁸ Н. Г. Порфиридов, Древний Новгород, М.—Л., 1947, стр. 149—167; Л. П. Жуконская, Новгородские берестяные грамоты, М., 1959, и др.

⁹ А. А. Шахматов, Исследования о Двинских грамотах XV в., СПб., 1903.

¹⁰ А. И. Соболевский, Указ. раб., стр. 16.

¹¹ А. И. Соболевский, Указ. раб., стр. 26.

населения западного побережья Белого моря. Серьезное статистическое обследование показало, что процент грамотности в этих местах настолько высок, что «мужское население на побережье приходится сравнивать) в этом отношении не с сельским, а уже с городским населением республики»¹².

Одним из свидетельств грамотности северян является установленная исследователями значительная роль книжных источников в былинном сказительстве Севера¹³. С этим связан и тот факт, что среди сказителей было много людей грамотных. И наконец, сами былины, сохранившие немало данных о древнерусской жизни, лишней раз свидетельствуют о широком распространении грамотности. Богатыри, как на это впервые обратил внимание Л. Н. Майков, — люди грамотные, умеющие читать и писать¹⁴. О том, что образованность была обычным бытовым явлением в Новгороде, говорят новгородские былины о Василии Буслаеве и Садко.

Также нуждается в пересмотре не раз повторявшееся мнение о том, что русский Север в отличие от других областей был мало подвержен городскому и всякого рода новым влияниям. Внимательное рассмотрение быта и искусства интересующей нас области убеждает в обратном. Начиная с того, что так называемый севернорусский комплекс крестьянской одежды (с сарафаном) более, чем одежда других русских областей, связана по своему происхождению с городом¹⁵. В покрое косолинейного сарафана и расположении украшений на нем прослеживаются аналогии с ферязями, телогреями, шубками — женской боярской одеждой допетровской Руси¹⁶. Черты искусства XVIII в. видим в рисунках сарафанных тканей, состоящих из пышных гирлянд и букетов, перевитых лентами¹⁷. В конце XIX — начале XX в. крестьяне северных областей раньше, чем южнорусских, начинают носить костюмы, близкие к городскому платью XIX в.¹⁸

Городское влияние на Севере заметно и в народном жилище. В районах Сухоны и Вычегды в ряде элементов внешнего декора (балконах, крыльцах, фасадной стороны, наличниках и т. д.) отмечены элементы московской хоромной архитектуры¹⁹. В декоре крестьянского жилища Заонежья можно видеть влияние более поздних стилей — барокко и ампира²⁰. Исследователи объясняют появление этих стилей в Заонежье тесными экономическими связями последнего с Петербургом, откуда «онежский район получил значительные технические усовершенствования через своих отходчиков, частью тех же мастеров — деревообделочников-столяров»²¹. В связи с этим напомним, что северяне как искусные плотники славились на Руси с древнейших времен. Мастеров из Вологодской и Архангельской губерний вызывали на строительные работы в Москву, а позже — в Петербург²².

Пожалуй, в еще большей степени городское влияние заметно в народном прикладном искусстве интересующих нас районов. В орнаменте вы-

¹² В. В. Никольский, Быт и промыслы населения западного побережья Белого моря, М., 1927, стр. 24.

¹³ А. М. Астахова, Указ. раб., стр. 31.

¹⁴ Л. Н. Майков, О былинах Владимирова цикла, СПб., 1863, стр. 83.

¹⁵ Г. С. Маслова, Народная одежда русских, украинцев и белоруссов, «Восточнославянский этнографический сборник», М.—Л., 1956, стр. 643.

¹⁶ И. П. Работнова, Русская народная одежда, М., 1964, стр. 17.

¹⁷ Там же, стр. 17, 18.

¹⁸ Там же, стр. 44—45.

¹⁹ А. И. Некрасов, Русское народное искусство, М., 1924, стр. 55—64; И. В. Маковецкий, Архитектура русского народного жилища, М., 1962, стр. 184—204.

²⁰ Р. М. Габее, Карельское деревянное зодчество, М., 1941, стр. 123—126; К. К. Романов, Жилой дом в Заонежье, сб. «Крестьянское искусство СССР», т. 1, «Искусство Севера», Л., 1927.

²¹ К. К. Романов, Указ. раб., стр. 39.

²² И. В. Маковецкий, Указ. раб., М., 1962, стр. 8.

населения западного побережья Белого моря. Серьезное статистическое обследование показало, что процент грамотности в этих местах настолько высок, что «мужское население на побережье приходится сравнивать в этом отношении не с сельским, а уже с городским населением республики»¹².

Одним из свидетельств грамотности северян является установленная исследователями значительная роль книжных источников в былинном сказительстве Севера¹³. С этим связан и тот факт, что среди сказителей было много людей грамотных. И наконец, сами былины, сохранившие немало данных о древнерусской жизни, лишней раз свидетельствуют о широком распространении грамотности. Богатыри, как на это впервые обратил внимание Л. Н. Майков, — люди грамотные, умеющие читать и писать¹⁴. О том, что образованность была обычным бытовым явлением в Новгороде, говорят новгородские былины о Василии Буслаеве и Садко.

Также нуждается в пересмотре не раз повторявшееся мнение о том, что русский Север в отличие от других областей был мало подвержен городскому и всякого рода новым влияниям. Внимательное рассмотрение быта и искусства интересующей нас области убеждает в обратном. Начнем с того, что так называемый севернорусский комплекс крестьянской одежды (с сарафаном) более, чем одежда других русских областей, связана по своему происхождению с городом¹⁵. В покрое косоклинного сарафана и расположении украшений на нем прослеживаются аналогии с ферязями, телогреями, шубками — женской боярской одеждой допетровской Руси¹⁶. Черты искусства XVIII в. видим в рисунках сарафанных тканей, состоящих из пышных гирлянд и букетов, перевитых лентами¹⁷. В конце XIX — начале XX в. крестьяне северных областей раньше, чем южнорусских, начинают носить костюмы, близкие к городскому платью XIX в.¹⁸

Городское влияние на Севере заметно и в народном жилище. В районах Сухоны и Вычегды в ряде элементов внешнего декора (балконах, крыльцах, фасадной стороны, наличниках и т. д.) отмечены элементы московской хоромной архитектуры¹⁹. В декоре крестьянского жилища Заонежья можно видеть влияние более поздних стилей — барокко и ампира²⁰. Исследователи объясняют появление этих стилей в Заонежье тесными экономическими связями последнего с Петербургом, откуда «онежский район получил значительные технические усовершенствования через своих отходчиков, частью тех же мастеров — деревообделочников-столяров»²¹. В связи с этим напомним, что северяне как искусные плотники славились на Руси с древнейших времен. Мастеров из Вологодской и Архангельской губерний вызывали на строительные работы в Москву, а позже — в Петербург²².

Пожалуй, в еще большей степени городское влияние заметно в народном прикладном искусстве интересующих нас районов. В орнаменте вы-

¹² В. В. Никольский, Быт и промыслы населения западного побережья Белого моря, М., 1927, стр. 24.

¹³ А. М. Астахова, Указ. раб., стр. 31.

¹⁴ Л. Н. Майков, О былинах Владимирова цикла, СПб., 1863, стр. 83.

¹⁵ Г. С. Маслова, Народная одежда русских, украинцев и белоруссов, «Восточно-славянский этнографический сборник», М.—Л., 1956, стр. 643.

¹⁶ И. П. Работнова, Русская народная одежда, М., 1964, стр. 17.

¹⁷ Там же, стр. 17, 18.

¹⁸ Там же, стр. 44—45.

¹⁹ А. И. Некрасов, Русское народное искусство, М., 1924, стр. 55—64; И. В. Маковецкий, Архитектура русского народного жилища, М., 1962, стр. 184—204.

²⁰ Р. М. Габеева, Карельское деревянное зодчество, М., 1941, стр. 123—126; К. К. Романов, Жилой дом в Заонежье, сб. «Крестьянское искусство СССР», т. 1, «Искусство Севера», Л., 1927.

²¹ К. К. Романов, Указ. раб., стр. 39.

²² И. В. Маковецкий, Указ. раб., М., 1962, стр. 8.

шивки на одежде крестьянок можно встретить изображения льва, барса, единорога, известных по памятникам декоративного искусства Новгорода и Владимиро-Суздальской Руси. По мнению Л. А. Динцеса, эти изображения проникают в крестьянское искусство в раннефеодальный период²³. Под их влиянием видоизменяется сохранившаяся в северных узорах на полотенцах и прялках знаменитая древняя трехчастная композиция с богиней-матерью посредине и двумя всадниками по краям; вместо всадников фигурируют барсы, реже кони и олени. Позже в некоторых местах эта композиция трансформируется в жанровую картинку, всадники превращаются в «кавалеров», а богиня — в «барышню».

А. И. Некрасов, проследивший проникновение городских стилей в крестьянскую архитектуру, скульптуру и живопись разных областей России, отмечал, что многие черты, присущие когда-то искусству высших классов, особенно заметны в народном искусстве русского Севера²⁴.

В искусстве Севера, пожалуй, больше, чем в искусстве других областей, сказалось иноземное, особенно западно-европейское, влияние, которое можно объяснить как торговыми и культурными связями Русского государства, осуществлявшимися до начала XVIII в. через Холмогоры и Архангельск, так и сношениями поморов со Скандинавскими странами в более позднее время. Н. Н. Соболев пишет об общности элементов русского и скандинавского орнамента в резьбе по дереву²⁵. Н. В. Мальцев, исследовавший орнаментальную резьбу по дереву на Онежском п-ве, пишет о влиянии норвежского искусства на геометрический орнамент на предметах прикладного искусства Летнего берега, которое сказалось как в заимствовании отдельных изобразительных мотивов, так и в общем строе орнамента²⁶.

Западноевропейское влияние сказалось и в работах архангельских мастеров-мебельщиков²⁷. В резьбе по кости XVI—XVIII вв. чувствуется влияние стилей барокко и рококо. По мнению А. И. Некрасова, этот стиль особенно заметен в предметах быта (костяных гребнях, шпильках, ларцах, шкатулках и зеркалах) крестьянок прошлого века — «...как будто бы русский Север признал для женских украшений законность галантного стиля Ватто»²⁸. На предметах быта можно также видеть мотивы орнамента XVII—XVIII вв. (цветок тюльпана и розы, барочные картуши и рокайльные завитки), хотя в целом этот орнамент восходит к эпохе древней Руси²⁹. Под влиянием города в народной глиняной игрушке наряду с образами, идущими от языческой древности, в XIX в. появляются сюжеты и образы более позднего происхождения³⁰.

Число подобных примеров можно умножить, но уже и приведенных, на мой взгляд, достаточно, чтобы заключить, что Север не был глухой окраиной, не знавшей и не испытывавшей новых культурных влияний.

Не соответствует действительности и существующее мнение об экономической отсталости северных районов. Напротив, промышленность там стала развиваться даже раньше, чем во многих других областях России. Так, в 1703 г. в устье реки Лососинки, впадающей в Онежское озеро, на месте современного Петрозаводска по инициативе Петра I был

²³ Л. А. Динцес, Древние черты в русском народном искусстве, «История культуры древней Руси», т. II, М.—Л., 1951, стр. 485—487.

²⁴ А. И. Некрасов, Указ. раб., стр. 150.

²⁵ Н. Н. Соболев, Русская народная резьба по дереву, М.—Л., 1934, стр. 348.

²⁶ Н. В. Мальцев, Орнаментальная резьба по дереву на Онежском полуострове, сб. «Русское народное искусство Севера», Л., 1968, стр. 80.

²⁷ К. А. Орлова, Мебель работы мастеров Архангельской губернии в собрании Эрмитажа, сб. «Русское народное искусство Севера», Л., 1968, стр. 166—168.

²⁸ А. И. Некрасов, Указ. раб., стр. 98.

²⁹ В. М. Вишневская, Из истории северного живописного орнамента, «Памятники культуры русского Севера», М., 1966, стр. 50—53.

³⁰ Ю. М. Василевский, Народная глиняная игрушка Архангельской области, «Памятник культуры русского Севера», стр. 54.

основан казенный пушечно-литейный завод, а в 1773—1774 г. был построен Олонецкий металлургический завод, и население Заонежья в той или иной степени было связано с фабрично-заводской промышленностью.

Издавна Поморье славилось своими морскими и соляными промыслами³¹. На Северной Двине и ее притоках велась добыча руды, смолы, развивалось кораблестроение, заготовка и сплав леса. Данные, полученные в результате археологического изучения позднесредневековых городов Поморья, говорят о довольно высоком развитии ремесленного посада в это время. Продукция ремесленников (кузнецов, котельников, серебряников, скорняков и т. п.) вывозилась в Устюг, Вятку, Москву и города Сибири. Было развито отходничество мастеров в другие центры. «Культурный центр позднесредневекового города на Севере оказался таким насыщенным, порой таким богатым самым широким ассортиментом находок, что теперь нельзя говорить о бедности или «маловыразительности» городской культуры на Севере XVI—XVII вв.»³²

На основании ряда письменных источников можно судить о высоком и повсеместном развитии в середине — конце XVIII в. художественных ремесел: серебряного дела, резьбы по дереву и кости, ткачества, вышивки, золотошвейного искусства и др.³³

Отсутствие на Севере крепостного права способствовало тому, что здесь раньше, чем в других русских землях, произошло разложение натурального хозяйства и начали развиваться товарно-денежные отношения. Крестьяне, выплачивавшие подати деньгами, стремились развивать ремесла и промыслы и продавать на рынках продукты своего труда. Во второй половине XIX в. в северных губерниях значительное развитие получил крестьянский отход, свидетельствующий о росте пролетаризирующегося крестьянства, вынужденного продавать свою рабочую силу на стороне³⁴. При этом преобладающим для северных областей был не земледельческий отход, а промышленный, преимущественно в городе³⁵. По данным 1890—1896 гг., в Олонецкой губернии отхожими промыслами было занято около 40 тыс. человек. Центральным пунктом, куда стекалась основная масса рабочих, являлась столица³⁶. Все это способствовало развитию предприимчивости, инициативы и подвижности северных крестьян, что в свою очередь создавало благоприятную почву для проникновения на Север «новых веяний и моды».

В том, что русский Север жил довольно активной экономической и культурной жизнью, убеждают биографии сказителей былин, содержащиеся в большинстве былинных сборников. Среди певцов былин, особенно среди лучших из них, было много людей «грамотных» и «бывалых», живших и работавших в Петербурге, Новгороде, Петрозаводске. Сказители с побережий Белого моря, Мезени и Печоры по издавна устоявшимся у поморов традициям участвовали в заграничных плаваниях в Норвегию, Данию, Швецию и даже в Америку. Например, сказитель Л. Е. Гольчиков из дер. Лебской Лешуконского района после отбытия военной службы «ходил матросом по найму» и бывал в Архангельске, Петрограде, в Америке и Дании. Другой сказитель, М. Г. Антонов, в 1892 г. совершил кругосветное путешествие, во время которого побывал в Англии, Испании, Южной Америке, США и т. д.³⁷

³¹ М. Н. Тихомиров, Россия в XVI столетии, М., 1962, стр. 230—232.

³² О. В. Овсянников, Некоторые проблемы изучения средневекового города в русском Поморье, «Памятники культуры русского Севера», М., 1966, стр. 67.

³³ Т. А. Бернштам, Кустарная промышленность и народное искусство русского Севера, «Памятники культуры русского Севера», стр. 63.

³⁴ «Хрестоматия по истории СССР», т. III, М., 1952, стр. 212.

³⁵ В. К. Яцунский, Вопросы экономического районирования в трудах В. И. Ленина, «Вопросы географии», сб. 35, М., 1953, карта к стр. 20.

³⁶ «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», т. 3, СПб., 1900, стр. 206.

³⁷ А. М. Астахова, Былины Севера, т. 1, М.—Л., 1938, стр. 109, 161.

Да и сами тексты былин лишней раз подтверждают, что их создатели и исполнители были в курсе общественной жизни всего русского государства. В былинах отразились не только исторические реалии эпохи Киевского государства, но и события последующих эпох. В них появляются новые понятия и происходят лексические замены. Так, бояре заменяются «вельможами», у князя Владимира вместо «палат белокаменных» — «комнаты»; Василиса Микулична, переодеваясь мужчиной, надевает «обмундирование». В ряде былин упоминаются «магазины», «приказчики»³⁸. Лексика, связанная с новым бытом, вторгается в *loci communes* (общие места), которые, как известно, наиболее тщательно охраняются былинной традицией.

Многие исследователи считали, что консервации древних культурных традиций способствовала политическая обособленность русского Севера. Однако это мнение также мало основано на фактах. Известно, что до присоединения Новгорода к Москве Заонежье входило в одну из Новгородских пятин и его население принимало довольно активное участие в общественной и политической жизни Новгорода Великого. Олончане в составе дружины Александра Невского сражались в битве на Чудском озере. В начале XVIII в. северяне участвовали в борьбе Петра I за выход России в Балтийское море.

О том, что северяне были также в курсе позднейших политических событий, свидетельствуют предания об Иване Грозном, образ которого получил оригинальную трактовку. В отличие от преданий, сложившихся в центральных и южных губерниях, где Иван Грозный и его деятельность оцениваются положительно, в преданиях северян отношение к Грозному резко отрицательное³⁹. События, связанные с польско-шведской интервенцией начала XVII в., нашли отражение в широко распространенных на Севере, особенно в Прионежье, преданиях о «панах»⁴⁰ и «Маринкином приданом»⁴¹.

Все сказанное убеждает нас в том, что Север не только не был захолустной окраиной России, но жил довольно активной политической, экономической и культурной жизнью.

³⁸ Там же, стр. 98.

³⁹ В. К. Соколова, Русские исторические предания, М., 1970, стр. 63 и далее.

⁴⁰ Там же, стр. 40 и далее; В. В. Пименов, Чудские предания как источник по этнокультурной истории Европейского Севера, «Сов. этнография», 1968, № 4.

⁴¹ В. К. Соколова, Указ. раб., стр. 40.